

ЛИТВИНОВА О. А. СИСТЕМА И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА СОЦИОЛОГИИ НИКЛАСА ЛУМАНА

Автор: М. А. НОВИКОВ

М.: АЛЬФА-М, 2007. 182 С.

Никлас Луман - создатель теории социальных систем, которая содержит широчайшие междисциплинарные включения от идей нейрофизиологов У. Матураны и Ф. Варелы до феноменологической категории смысла Э. Гуссерля и оперативной логики различия Г. С. Брауна. В знак признания его вклада в науку XIII Всемирный социологический конгресс (1994) проводился в Билефельде. Его книги издаются во всем мире. А что мы знаем о Лумане? Существует несколько переводов, выполненных в 1994 - 1996 гг., ряд статей. В 2004 г. издательство "Логос" начало выпускать многотомный труд "Общество общества". Поэтому книга О. А. Литвиновой - первая монография, посвященная творчеству немецкого теоретика, на мой взгляд, является событием в научной жизни.

Теория социальных систем Н. Лумана даже его критиками рассматривается как одна из самых сложных современных социологических теорий. Укажу лишь несколько ключевых моментов. Так, он считает "гуманистическим предубеждением" положение о том, что общество состоит из людей или отношений между людьми. Или другое, не менее шокирующее утверждение: "Коммуницировать может только коммуникация". Как же так, спросит неискушенный читатель, ведь понятия "действие" и "индивид" предполагают субъекта, актора, которому они приписываются, а если общество не включает в себя людей, тогда где мы все находимся? Не об этой ли "дегуманизации" социологии "трубят" критики Н. Лумана?

Другой трудностью для читателя, несомненно, станет "тяжелый" категориальный аппарат лумановской социологии: самореференция, аутопойесис, контингентность, селекция, оперативная замкнутость, структурное сопряжение, различие, рекуррентность и, наконец, система. И напрасно читатель будет искать значения многих из них в толковых словарях. Вот, например, как определяется дефиниция "системы": "Система - это множество закономерно соединенных между собой элементов (предметов, явлений, процессов, принципов, взглядов, теорий), образующих определенную целостность, единство"¹. То есть нам предлагают поверить в то, что система - это определенный набор объектов и отношений между ними. А между тем, согласно Луману, система является формой различия системы и окружающей среды. Таким образом, окружающая среда оказывается для этой формы различия столь же необходимой, как и сама система. Здесь Луман отсылает нас к трудам Г. С. Брауна и Хайнца фон Ферстера.

Н. Луман при создании своей социологической теории виртуозно использует достижения нейрофизиологии, кибернетики, общей теории систем и требует воистину энциклопедических знаний от своих читателей. Возникает вопрос "А возможно ли вообще понимание работ Лумана в России сегодня?" На мой взгляд, основное достижение монографии О. А. Литвиновой в том, что она помогает ответить на этот вопрос положительно. Разумеется, книга не являет собой исчерпывающее исследование теории социальных систем. Да и возможно ли это в рамках одной монографии? Отмечу лишь два факта. Первый. Н. Луман написал 77 книг и около 250 статей. Второй. Только спустя 9 лет после его смерти в России вышла монография, посвященная его творчеству.

---

¹ Новейший словарь иностранных слов и выражений. М.: Современный литератор, 2003. 976 с.

О. А. Литвинова поставила перед собой масштабные задачи: осветить не только теорию социальных систем Н. Лумана в хронологической перспективе ее создания и исследовать базовые категории, но и проследить влияние окружающей среды его теории, к которой она относит историко-политический, общенаучный и внутридисциплинарный факторы влияния. Несмотря на то, что автор не планировал "заставить Лумана говорить по-русски", книга впечатляет, прежде всего, колоссальным объемом первоисточников. Автору удалось, на мой взгляд, показать именно процесс создания данной теории, представить теоретическую архитектуру Лумана как готовый, застывший и совершенный проект, донести до читателя сложный и противоречивый путь создания теории общества, неотделимый от жизненного пути своего создателя. Более того, О. А. Литвинова постоянно предоставляет слово критикам немецкого социолога, в том числе и его главному оппоненту - Юргену Хабермасу.

Уже на первых страницах монографии читатель столкнется с концептуальными трудностями, большинство из которых нельзя списать на некоторую "перегруженность" цитатами. Автор пишет о критическом переосмыслении Н. Луманом "системного функционализма" Парсонса о разработке им функционально-эквивалентного метода, позволяющего преодолеть монокаузальность парсоновской теоретической схемы, об открытии альтернативных ценностных ориентации в социальной системе. Но в подавляющем большинстве российских учебников Парсонс упомянут, прежде всего, как создатель структурного функционализма, а его вкладу в развитие теории систем уделяют лишь несколько абзацев. Первая глава, как представляется, является наиболее трудной для читателя и не в последней степени потому, что теоретические монографии, посвященные классике социологии, отсутствуют в российской науке. На мой взгляд, автору следовало бы снабдить ее, да и всю книгу, глоссарием, поскольку ряд терминов: аккордизация, акцептировать, инвольвировать, инвизибировать, имагинарный, ирреверсный - впервые вводится в российский социологический оборот.

Впервые российскому читателю предоставляется и возможность увидеть "внутридисциплинарный" ландшафт социологической дисциплины в послевоенной Германии 1950 - 1960-х годов глазами Р. Дарендорфа, А. Гелена, Х. Шельски. В немецкой социологии того времени доминировали эмпирические исследования в русле индустриальной социологии, а также американский структурный функционализм. А немецкая социологическая традиция М. Вебера, Г. Зиммеля, Ф. Тенниса "лежала в руинах". Читателю дается возможность проследить некоторые параллели между состоянием дел в послевоенной немецкой и современной российской социологии: выбор тем для исследования обусловлен, в первую очередь, влиянием экономических и политических интересов; отсутствием переводов работ зарубежных авторов; некритичным заимствованием "западных" теоретических моделей и т.д.

Примечательно, что в то время "тотального отсутствия теории" в немецкой социологии, как его характеризует Р. Дарендорф в работе "Тропы из утопии", когда Гелен и Шельски выдвинули тезис о невозможности "универсальной" социологической теории, Н. Луман приступает к созданию "всеохватывающей" теории социальных систем. Автор совершенно справедливо, как представляется, считает, что социологию Н. Лумана нельзя понять вне контекста развития системной парадигмы в мировой науке. В связи с этим она включила в свою книгу очерк о развитии теории систем, начиная с трудов ее основоположника Л. фон Берталанфи и далее через кибернетику Н. Винера к классической AGIL-схеме социальной системы Парсонса. Только после этого можно в полной мере понять "подключение" Лумана к системному функционализму Т. Парсонса и построение им собственной теории аутопоэтических социальных систем. Здесь необходимо обратить внимание на "коренной перелом", произошедший в системной парадигме в 1970-х годах, связанный с именами Х. фон Ферстера, У. Матураны и Ф. Варелы. Л. фон Берталанфи разработал общие дефиниции открытых и закрытых систем. Тем самым, предполагалось, что любая из них может быть отнесена к одному из двух вышеперечисленных типов. Те, которые не поддерживают отношения обмена с окружающей средой, он определил как закрытые. Соответственно, открытые - определялись им через процессы ввода/вывода, то есть обмена с окружающей средой, позволяющие системе самосохраняться.

В русле трудов Л. фон Берталанфи работали Н. Винер, а позже Т. Парсонс, благодаря работам которого эта теория была воспринята социальными науками. Но уже Н. Винер обнаружил концептуальные противоречия в рамках модели открытых/за-

крытых систем. Во-первых, второй закон термодинамики утверждает рост энтропии в закрытых системах. Возникает законный вопрос "Как же тогда объяснить саму возможность порядка (негэнтропии) и гомеостаза в закрытых системах?". Вначале казалось, что ответ может быть найден через дефиницию открытых. Процесс обмена системы с окружающей средой позволял объяснить ее гомеостаз, но он не позволял совершить редукцию ее комплексности. Такая модель не позволяла анализировать динамику внутренних операций системы и предсказывать ее структурный дрейф: система в ответ на изменение внешней среды производила собственные структурные изменения, но детерминировать их не удавалось. С целью ликвидации данного "провала" в теорию была введена концепция "black box", которая, в сущности, свидетельствовала об отказе теоретиков от объяснения механизма внутренних операций системы. Такое положение дел в теории сохранялось вплоть до открытия Х. фон Ферстером принципа самоорганизации систем, на базе идей которого У. Матурана и Ф. Варела создали концепцию аутопойесиса. Аутопойесис, с точки зрения чилийских нейрофизиологов, представляет собой рекурсивный процесс самовоспроизводства системы.

Н. Луман осуществляет включение в свою теорию концепции аутопойесиса и генерализирует ее, утверждая, что не только живые организмы, но и социальные системы "обладают аутопойесисом каждая на свой лад". Разработав идею аутопойесиса Матураны-Варелы, Н. Луман смог определить общество как оперативно закрытую аутопойетическую систему, положив в основу модель коммуникации Вацлавика, принципы оперативной логики Г. С. Брауна и кибернетический принцип "наблюдения наблюдений" Х. фон Ферстера. Здесь можно отослать читателя к третьей главе книги О. А. Литвиновой, посвященной интердисциплинарным включениям в категориальный аппарат лумановской социологии.

М. А. НОВИКОВ, студент РГГУ